

“Книга “Разбитая Гитара” произвела на меня большое впечатление. Закрученный сюжет и конец неожиданный.

РАЗБИТАЯ ГИТАРА-1

Елена Мейсак

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Разбитая Гитара: детектив

Елена Мейсак

Разбитая гитара. Книга 1

«Автор»

2016

Мейсак Е. В.

Разбитая гитара. Книга 1 / Е. В. Мейсак — «Автор»,
2016 — (Разбитая Гитара: детектив)

На хорватской границе полиция обнаруживает останки 30 человек и обломки их музыкальных инструментов. Убийство произошло недавно, и Интерпол надеется раскрыть его по горячим следам. Одной из жертв удалось спастись. Похороненную заживо, ее вытаскивает с того света хирург-виртуоз. Спасенной оказалась француженка со странным именем Амира. Она наследница огромного состояния, и в 25 лет у нее было все: статус, влияние, любимый мужчина и долгожданный сын. И место в том самом оркестре. Она бежит в Россию, чтобы скрыться и выжить. Но пока она жива, она в опасности. Содержит нецензурную брань.

© Мейсак Е. В., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Пролог	5
1	7
2	11
3	16
4	20
5	28
6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена Мейсак

Разбитая гитара. Книга 1

Пролог

Был уже ноябрь, но осень словно бы и не торопилась в этот уголок Балкан. Погода переменчиво и торопливо менялась, то светило яркое солнце, зажигая яркими красками поблекшие листья, то вдруг начинал идти протяжный моросящий дождь, мучительно размазывая грязь по лугам и холмам, словно ребенок манную кашу по тарелке.

Этот день ничем не отличался от всех остальных. В небольшом каньоне стояла утренняя тишина, наполняя воздух предрассветной негой. Из общей картины выделялись лишь две березы, росшие вдоль тропинки. Здесь очень редко можно встретить березу, и два черных ворона, словно бы зная об этом, устроились на верхушке одной из них, раскачиваясь на ветках.

Буквально в двух шагах от этой идиллической картинки можно было заметить свежерытый котлован. Мертвым чревом зиявшая дыра напоминала тело, разрезанное хирургом-дилетантом, но так и не зашитое. Коричневая глина после недавно прошедшего дождя устилала пространство вокруг, делая все таким противным и неприятно скользким.

На краю котлована стояла живая линия из странно одетых людей. Ветер развеивал фалды черных фраков и красивых длинных платьев. Казалось бы, люди собрались на званый ужин или изысканный бал. Но если приглядеться поближе, бал этот скорее бы напомнил гниющий ад, где правил никто иной, как сам дьявол.

Одежда людей была во многих местах порвана, висела клочьями и практически вся испачкана. Волосы были всклокочены, а к ногам прилипли куски глины. Оторванные края одежды обнажали израненные руки, на лицах стоявших можно было увидеть иссиня-черные кровоподтеки. У кого-то были разбиты губы, и сквозь это месиво сочилась кровь.

- Целься! - словно ножом разрезал тишину противный мужской фальцет.

Головорезы в черно-серой камуфляжной форме и черных масках на лицах в одно мгновение вскинули десятки автоматов и направили дула в сторону стоявших у края котлована людей. Вороны испуганно сорвались с березы и поспешно ретировались.

Все эти люди почему-то никак не реагировали на происходящее. Не пытались бежать, упасть в котлован, вообще никак не боролись за свою жизнь.

Они обреченно и абсолютно молча стояли у края. Их ноги были широко расставлены, а руки сцеплены за головой в замок. Бледные, измученные лица их застыли, словно посмертные маски. Никто не попытался хотя бы как-то оттянуть роковой момент, который ждал их с фатальной неизбежностью.

Казалось, эти люди слишком много времени провели взаперти. Их тела источали смердящий запах немойтой плоти. Раны кое-где начинали гноиться, представляя собой отвратительное зрелище. Повнимательнее посмотрев вокруг, можно было увидеть, что адово горнило разметало вокруг котлована какие-то непонятные инструменты.

То там, тот тут можно было увидеть раздавленные деки виолончелей, валявшиеся в грязи мундштуки тромбонов, флейты с погнутыми клапанами, оторванные струны, поломанные смычки...

- Огонь! - брызжа слюной, взвизгнул фальцет.

Застрочили автоматы, раскраивая пространство и время на тысячи кровавых лоскутов.

Через пару минут котлован обрамляла лишь куча наваленных друг на друга трупов еще совсем недавно стоявших здесь людей. Еще через пять минут подъехал трактор, и, поддевая ковшом кровавое месиво, словно вчерашний мусор методично начал сбрасывать их в котлован вместе с инструментами.

Через полчаса от раздирающей душу картины не осталось практически ни следа. Вороны вновь уселись на березу, и вокруг опять воцарилась звенящая, мертвая тишина. И лишь свежие следы трактора да размазанные колеи из глины напоминали о недавно прошедшей здесь безумной акции вопиющего зверства.

1

Франция. Пригород Марселя.

- Мама, смотрите! Кажется, Амира что-то снова задумала, - высокий темноволосый молодой человек жестом показал куда-то.

У большого окна библиотеки стояла невысокая и еще молодая женщина в изысканном шелковом костюме необыкновенно красивого жемчужного цвета. Женщина была еще довольно привлекательной, фигура ее сохранила почти юношескую грацию, а прекрасные волосы цвета льна, уложенные в изысканную прическу, ниспадали на плечи шелковым струящимся водопадом.

Внешне женщина выглядела абсолютно спокойной, но каждый ее жест, каждая клеточка ее стройного, гибкого тела выдавали едва сдерживаемую тревогу. Руки были сцеплены крест-накрест на груди, нижняя губа закушена. В голове ходуном ходили самые разные мысли.

Она смотрела сквозь оконное стекло на парадный двор. Во дворе стояла ее семнадцатилетняя дочь Амира. И ее поза не внушала ничего хорошего.

«Господи, ну почему у всех дети, как дети, а у меня – термоядерная гремучая смесь? – размышляла она, - Почему Амира унаследовала именно мой характер? С ее братом, Люком, все было куда спокойнее и понятнее, хотя он и мальчишка. Хотя, какой мальчишка? Люку уже двадцать два, мужчина, можно сказать. А Амира - просто неуправляемый черт в юбке. Все и всегда пытается делать по-своему. Скандальная, конфликтная нонконформистка. По себе знаю, как трудно людям ужиться с обладателем такого вот характера. А ведь ей еще как-то замуж выходить. И видит бог, время пролетит очень быстро, не успеешь и заметишь. И не всем в мужья достаются люди, в жилах которых течет королевская кровь, а изысканные манеры впитаны с молоком матери. Не всем... Что же, терять, похоже, было уже нечего. Видимо, дочке не пошел впрок даже год монастырской школы. Как была сумасбродкой, так и осталась. И если не сломить это прямо сейчас, другого шанса, наверное, уже не будет».

Подумав это, она резко развернулась и вышла из комнаты.

На подъездной площадке, покрытой оранжевым гравием, в решительной позе стояла молодая девушка. В руках она держала ярко-красную электрогитару, от которой куда-то тянулся толстый провод. Рядом стоял простенький усилитель.

- Мама, вы ничего не понимаете! – громко, почти надрывно закричала девушка.

Внешне она была очень похожа на мать, только немного повыше ростом. Тело ее уже практически сформировалось, хотя сложение было, скорее, худощавым. Те же льняные, практически белые волосы. На голове у девушки красовалась настоящая копна из завивавшихся в мелкие тугие кудри непослушных завитков. Сильно отличались лишь ее пронзительные глаза.

Обычно красивого шоколадно-коричневого цвета, сегодня эти негодующие, практически ненавидящие глаза острыми стрелами впивались в отливавшие стальным холодом серые глаза матери.

Девушку можно было бы даже назвать красавицей. На ее миловидном юном подбородке красовалась небольшая симпатичная ямочка. Ямочки можно было увидеть и на ее щеках, только вот улыбалась она очень редко, все чаще можно было увидеть на этом лице сосредоточенно-серьезное, задумчивое, а иногда и вовсе отрешенное выражение.

Невозможно было угадать, о чем именно думает эта внешне такая холодная, благовоспитанная и беспристрастная девушка.

Одета юная леди была, мягко говоря, совсем неподобающе. На ней были поношенные широченные джинсы, на ногах красовались, по мнению матери, отвратительные белые кроссовки, а клетчатая рубашка была завязана на животе узлом.

На глазах у девушки восседали очки с довольно-таки толстыми стеклами. Однако даже через эти невразумительные стекла можно было увидеть, как плясали дьяволята в этих сейчас практически черных глазах, плясали, словно разбрызгивая горящие искры вокруг.

Глаза были, пожалуй, самой необычной чертой этой девушки. Взгляд ее часто был столь тяжелым, что никто кроме матери, не мог вынести его и двух минут.

- Мама! Я все равно, все равно буду играть на гитаре! Вы не сможете мне помешать! Почему вы заставляете меня учиться в консерватории? Неужели вы не видите, что я уже почти ненавижу классическую музыку?! Я люблю науку, я хочу заниматься физикой, как папа! Разве вы не видите, что мои способности лежат в области точных наук, а не этих, с позволения сказать, изящных искусств, которые вы мне так упорно навязываете? Разве мои победы на математических олимпиадах ничего не значат? И вообще, если бы вы хотя бы раз услышали, как я играю на гитаре, вы бы не стали мучить меня!

С этими словами девушка взяла на гитаре какой-то аккорд, ее тонкие пальцы легко запорхали по грифу, как бабочки-капустницы вокруг цветка. Гитара издала пронзительный рык, но постепенно звук начал перетекать в мелодичные вибрато, скорее напоминая плач.

«Да, играет она на этом, если так можно выразиться, инструменте, очень, очень даже неплохо, – подумала леди в жемчужном костюме, - неудивительно, ведь у нее практически абсолютный музыкальный слух. Она и стиральную доску заставит плакать».

Они столько сил, нервов, времени и денег вложили в образование Амиры. Лучшие учителя, репетиторы, европейские школы. Они дали ей самое лучшее образование, которое может только получить девушка. В этом году ее дочь стала победителем на конкурсе имени Фредерика Шопена. Далеко не каждую девушку ее возраста принимают в Парижскую консерваторию, да еще и сразу на третий курс. Нельзя позволить ей втоптать все это в грязь.

- Никогда! Никогда, слышишь? Никогда эта дребедень не станет твоим основным занятием! Подумать только, моя дочь собирается стать бродячим музыкантом! Трубадуром! Только через мой труп, ясно? Я уже кое-что повидала в этой жизни, дочка. И я знаю, что в мире рока - одна сплошная выпивка, оргии и наркотики. Ты, видимо, еще не до конца осознаешь, кто ты. И потом ты еще свяжешься с каким-нибудь барабанщиком, выйдешь замуж и родишь от него неизвестно что. А то и вовсе решишь на замужество времени не трогать. Ну уж нет! Не бывать этому. Вспомни, кто твой отец. В его жилах течет королевская кровь. Да и я тоже не кто-то там. Мой дедушка – композитор и потомок старинного дворянского рода. И ты хочешь

на все это наплевать! И кому нужна твоя наука? Да не будь твой отец нефтяным магнатом, не имей он столько недвижимости, не владей он оркестром, кем бы он был со своей физикой? Кому он был бы нужен? И жили бы мы не здесь, в этом красивом старинном поместье, а прозябали бы в какой-нибудь малогабаритной квартирке на окраине Марселя. Ну, может быть, и не в квартирке, ведь и у меня кое-что есть. Но уж так бы не жили, точно. Да благодаря твоему отцу нас принимают в лучших семьях Европы! Твой отец дружит с послами, высшими государственными чиновниками, самыми влиятельными бизнесменами и даже главами некоторых государств. А ты хочешь все это пустить коту под хвост. Ты пока еще очень молода, Амира, и не представляешь, что все это на самом деле значит в жизни. А когда начнешь представлять, будет уже поздно, если ты отправишься измерять башмаками земной шар с этой своей гитарой.

Лицо девушки сильно побледнело. Она больше ничего не говорила и не старалась доказать матери. Из глаз ее крупными горошинами катились слезы, а руки что есть силы сжимали струны. Так они стояли еще какое время, пока мать не заметила, что из пальцев девочки на белые кроссовки капает алая кровь.

- Немедленно положи конец этому недоразумению. И отправляйся в дом, - сквозь зубы процедила мать.

В ответ юная бунтарка лишь сильнее сжала струны.

Вздыхнув, мать повернулась вполоборота и встретилась глазами с дворецким. И у того не хватило духа перечить хозяйке величественного дома. Не говоря ни слова, он снял кожаный ремень и передал ей.

Закусив губу, мать что есть силы ударила дочь по рукам, стараясь не попасть по пальцам.

Разжав хватку, девушка выронила из рук гитару, которая упала на пол, издав жалобный глухой стук.

Патонг, Юго-Восточная Азия.

Центральная площадь одноименной столицы гудела, словно улей, оповещая о начале туристического сезона. Люди с восхищением осматривали старинные буддистские храмы, исторические здания и другие достопримечательности, достойные внимания искушенных путников.

Многие фотографировались рядом с удивительными памятниками местной архитектуры, кто-то в одиночку, кто-то вдвоем. Кто-то подавал милостыню то тут, то там возникавшим словно бы из ниоткуда попрошайкам, и также в никуда исчезающим. Погода в это время была достаточно теплой, но уже не такой знойной, и настраивала на романтический лад.

У одного из храмов обосновалась странная компания. Трое слегка потрепанных мужчин и одна женщина доставали из чехлов музыкальные инструменты. Разглядывая каждого из этих музыкантов, можно было подумать, что все они знавали лучшие времена, но пора эта прошла, оставив лишь послевкусие утреннего похмелья и горьковатого табачного дыма.

Сложно сказать, сколько же лет было каждому из них. Женщина, стоявшая немного впереди, была, вроде бы, еще не старой. Но в то же время любой старик дал бы ей фору, хотя на ее лице и не было видно морщин. Одета она была в довольно чистые джинсы и рубашку, но спина ее ссутулилась, щеки ввалились, глаза были тусклыми и преждевременно поблекшими.

Голова ее была побрита налысо, а если бы вы подошли ближе, то смогли бы увидеть, что из-под кожи пробивается совершенно седая щетина. И лишь руки ее были крепки и преисполнены уверенности.

Женщина достала из рюкзака здоровенную самокрутку, зажгла ее и самозабвенно затянулась. Затем затянулась еще и поглядела в уже зажигавшее звезды небо, медленно выдыхая сероватый дым.

Расчехлив и приладив инструменты, музыканты положили перед собой небольшую черную шляпу и начали играть. Мелодии были странными, местами совсем непонятными, но было в этой музыке что-то такое, что словно магнитом притягивало людей.

Все больше и больше зрителей собиралось вокруг этой самопровозглашенной группы и заворочено слушало эту, вроде бы, совсем неподходящую для них музыку. Женщина, по видимому, совсем вошла в раж. Ее гитара то рычала, что стонала, то всхлипывала, то будто клацала зубами.

И музыка эта, несмотря на всю свою тяжесть и неуместный жанр, была довольно-таки гармонично написана, навевая каждому из слушателей что-то из их собственной жизни, сковыривая и выкапывая наружу что-то, как правило, очень болезненное, что-то, что непроизвольно прошибало людей на слезу, заставляло переосмысливать, что в жизни главное, а что преходящее.

Деньги лились в шапку рекой. Время от времени группа останавливала музыку, чтобы сделать передышку. Странная женщина отворачивалась от толпы и зажигала самокрутку. Затем импровизированный концерт продолжался.

Ни один из членов группы не заметил человека, наблюдавшего за ними из-за угла здания.

Вдруг по толпе прошел шепоток, и люди начали торопливо покидать площадь. Неожиданно к музыкантам приблизился полицейский наряд. А уже через пять минут полицейский автобус увозил незадачливых гитаристов в участок.

2

Франция. Пригород Марселя.

Прекрасный старинный особняк расположился на живописном скалистом берегу Средиземного моря. Море лизало скалы, вырисовывая рельефный орнамент из камня, оставляя небольшое пространство для симпатичных песчаных пляжей, скрытых от посторонних глаз.

Четырехэтажный особняк играл нежными красками, словно бы греясь на утреннем солнышке, подставляя ему свои светло-коричневые бока, купаясь в ласковых лучах его тепла.

Построен он был в конце девятнадцатого века, однако, ни один его кирпичик, ни одна частица черепичной крыши не выдавала столь внушительный возраст. Почтенный прибрежный житель был ухожен и для своих лет выглядел просто великолепно.

Со стороны моря возле дома уютно расположился симпатичный бассейн и дорожки, ведущие каждая кто куда.

Чуть поодаль находились два теннисных корта, конюшня на пять лошадей и бескрайнее буйство зеленых лужаек и газонов вокруг.

На одном из уединенных пляжей возле этого почти что замка можно было увидеть небольшую решетчатую дверь, закрытую на замок и ведущую вглубь скалы. Назначение двери не было известно даже самому искушенному посетителю, и, скорее всего, она была частью таинственного туннеля, ведущего в недра старинного дома, наверняка скрывавшего немало таких же старинных секретов.

Но самой главной достопримечательностью были живописные виды, открывавшиеся вокруг. Можно было часами стоять на небольшой скале и глядеть на море, наслаждаясь полетом фантазии природы, раскрашивающей небо в удивительные розовые, фиолетовые, голубые и серые оттенки мечтательного заката.

Свежий морской бриз трепал волосы прогуливавшихся по берегу двух женщин. Глаза их скрывали от солнца модные очки. Одна из женщин была одета в черный дорожный костюм. Они неспешно шли по дорожке, тихо разговаривая друг с другом.

- Вот и начинается твоя взрослая жизнь, дочка. Какой же у тебя прекрасный возраст сейчас! Впереди тебя ждет столько всего интересного. Не знаю, почему ты выбрала Египет в качестве подарка по случаю окончания консерватории, но я, в любом случае, принимаю твой выбор. Что ты собираешься там делать целый месяц?

- Я невероятно устала за эти три года, мама. Так хочется просто полежать с книжкой на пляже, поплавать в море, посмотреть на диковинных рыбок и ни о чем не думать. Ни с кем не встречаться. Никому не улыбаться и не вести светских разговоров о политике и благотворительности. Хочется просто побыть одной. А еще хочется поговорить хотя бы немного больше на своем родном языке. Вообще не знаю, как я его еще помню. Если бы не папа, наверное, так бы и изучала язык по стихам великого Имру аль-Кайса.

- Вряд ли можно считать великим человека, которого лишили наследства! И вообще, я бы предпочла, чтобы ты забыла о том, что твой отец не француз. Но это именно ему ты и обязана своим происхождением. Хотя мне и кажется, что на детях природа отдыхает, и сложно назвать благородным происхождение ребенка, в крови которого намешана почти что вся кровь мира! Я вообще не понимаю, зачем тебе этот язык. Хотя... знание иностранных языков не вредило еще никому. Не зря мы так старательно тебя им учили. Все-таки, шесть иностранных языков – достижение даже для твоего образования. И помни, что я очень благодарна тебе за то, что ты не послушалась меня тогда. Только представь, уже через год ты вступишь в право распоряжения своим наследством. Много ли ты знаешь двадцатилетних девушек, которым бы так повезло, как тебе? А что бы с тобой было, выбери ты карьеру бродячей музыкантши, коротающей свои одинокие минуты в нищей каморке, одному Богу известно.

Лицо молодой леди как обычно выглядело спокойно-серьезным, и сквозь стекла солнцезащитных очков мать не могла видеть происходящей бури в ее душе. Из темно-карих глаз девушки летели молнии, готовые разить наповал.

В то время как она спокойно продолжала:

- Жаль, что я не могу взять с собой Конфуция. Как бы хотелось промчаться на нем по Аравийской пустыне, поднимая вокруг клубы пыли и песка!

- Конфуций все равно еще слишком молод для подобных прогулок. Найдешь кого-нибудь другого. И не забудь каждый день заниматься. Надеюсь, Египет не вскружит тебе голову настолько, что ты напрочь забудешь про то, что в сентябре летишь в Лондон и начинаешь давать концерты с нашим оркестром. Не могу тебя заставить во время каникул заниматься, как положено, но минимум четыре часа в день будь добра, пожалуйста. Будешь каждый день записывать свою работу на видео и посылать мне кассеты срочной курьерской почтой. И последнее: может, все же передумаешь и позволишь Арно поехать с тобой? Меня корбит от одной только мысли, что никого из нашей службы безопасности не будет рядом с тобой.

- Мама, вы помните про наш уговор? Я выполнила свою часть, теперь ваша очередь вспомнить про обещание, данное мне. И я надеюсь, что вы его выполните. Я не хочу видеть рядом с собой никого из ваших людей. Никогда. Я прекрасно могу позаботиться о себе сама.

- Ну, хорошо. Пойдем, а то опоздаешь на самолет.

Они свернули с дорожки в сторону дома. Вскоре две машины подъехали к зданию аэропорта Прованс.

На сердце у Амиры было немного беспокойно. Что-то подсказывало ей, что после этой поездки ничто уже не будет таким, как раньше. Но она тут же отогнала от себя эту мысль.

Они обнялись с матерью, потом она подозвала носильщика, который погрузил ее чемоданы на тележку. Подходя к дверям, она обернулась и проводила взглядом мать, садившуюся в машину. После того, как обе машины отъехали от здания аэропорта, Амира проследовала к стойке регистрации пассажиров первого класса.

Патонг. Юго-Восточная Азия.

Незаметно приближался вечер. На главной площади города опять собиралась толпа. Трое музыкантов расчехляли инструменты, неспешно переговариваясь друг с другом о чем-то. Странная женщина стояла тут же, уперев красивую черную гитару прямо в брусчатку и одной рукой придерживая ее за гриф.

В подмышки ей упирались уродливые деревянные костыли. Вглядевшись, можно было бы увидеть, что вес тела этой, в общем-то, и так довольно малогабаритной женщины приходился именно на эти подпорки, и она словно бы несколько неуверенно держалась на собственных ногах.

Второй рукой женщина держала самокрутку, на которую смотрела в задумчивости. Она неторопливо и с наслаждением затянулась и уже собиралась перекинуть через плечо гитарный ремень, как увидела идущего к ней неспешным шагом мужчину.

Выглядел он довольно обычно. Казалось, лет ему было около шестидесяти. Голова у пришельца была лысой, одет он был просто, на вид жилист, но худощав. Одним словом, ничего достойного внимания.

Долю секунды он стоял, глядя на нее. После чего вдруг заговорил.

- И не надоело тебе так? Хочешь, я помогу тебе выбраться отсюда?

Ее недоброжелательный вопросительный взгляд не смутил его. Он продолжил.

- Ты не бродяжка, и мы оба это знаем. Так кто же ты?

- Сэр, вам не кажется, что вы пытаетесь задавать вопросы, которые вас не касаются?

- Я наблюдаю за вами уже неделю. Как ты думаешь, долго вы так сможете? В прошлый раз вы загремели в полицейский участок. Не знаю, как вам удалось выйти оттуда, видимо, очень сильно повезло. Но спустись на землю, детка: так не может продолжаться долго. Это Патонг, и если за попрошайничество и эти площадные концерты ты еще можешь отделаться внушительным штрафом, то стоит полицейским хотя бы раз найти у тебя эту волшебную самокрутку, ты загремишь в тюрьму надолго.

- Сэр, при всем моем уважении я хочу сказать, что вам не позволено называть меня на ты. Похоже, вас не слишком обременяли воспитанием и манерами, раз вы считаете себя вправе подходить к незнакомым людям и вести с ними подобные разговоры. К тому же это не наркотики. Это медицинская марихуана. И вам ни к чему знать, зачем мне это.

Глаза бритоголовой тетки из цепляющее-колючих постепенно сузились в две враждебные щелки, и это не предвещало ничего хорошего.

- Послушай, может, прекратишь дурака валять? Это Патонг, очнись! Здесь нет такого понятия, как медицинская марихуана. Ты, думаю, слышала, что в Патонге за хранение и употребление наркотиков и казнить могут, да? Только послушай себя: «Сэр, при всем моем уважении...» Я же говорю, что ты не бродяжка. Кто ты, черт побери?

Лицо незнакомки стало пепельно-серым.

- Знаете что, сэр. Вы испытываете мое терпение. А оно у меня очень короткое. Обычно я не предупреждаю о своих намерениях, но к вашему возрасту проявлю уважение. Поэтому скажу, что если прямо сейчас вы не повернетесь на сто восемьдесят градусов и не уйдете, откуда пришли, я могу отметить прекращение нашего спора ударом костыля по вашему лицу. Не лезьте в чужую жизнь!

- Я уже сказал, что могу помочь тебе вылезти из этой помойки. Сколько ты собираешься тут брнчать? Ты посмотри на себя. Твоя гитара стоит тысячи две долларов. Ты думаешь, я не заметил клейма у тебя на ботинках? Думаешь, я деревенский идиот? Да и играешь ты получше, чем вся твоя свора.

- Не тыкайте мне!!! Что, если я не хочу никуда выбираться? Что, если мне все равно, что будет дальше? Что, если я сплю и вижу, чтобы через меня пропустили ток на электрическом стуле? Что вы вообще знаете о том, какова моя жизнь? Что бы вы почувствовали, не будь у вас ни единой целой кости? Как бы вы жили, если бы не могли нормально спать по ночам? Если бы каждый невинный дождик заставлял вас кататься по кровати от невыносимой боли?

- Слушай, хватит давить на жалость, а? Давай, бросай свою шайку-лейку и пойдем.

С этими словами он приблизился к ней и попытался взять ее под локоть.

Это незатейливый отеческий жест, похоже, уничтожил остатки самообладания у гитаристки на костылях. Резким движением бросив гитару на мостовую, она что есть силы размахнулась костылем, собираясь, видимо, таким образом отпугнуть незваного гостя.

Их словесная перепалка уже давно привлекла внимание других участников группы. Они смотрели на все это с раскрытыми ртами.

Мужчина выверенным движением ухватился за взлетевший костыль, вырвал его из рук женщины и что есть силы хлестанул ее по голени.

Боль заставила женщину скрючиться. Невзрачный мужчина вырвал из ее рук второй костыль, и его неприветливой собеседнице не оставалось ничего, кроме как, потеряв равновесие, ничком полететь прямо на зализанную холодом брусчатку.

В припадке ярости незваный гость по очереди положил костыли на край тротуара, а затем сокрушительным ударом переломил каждый из них пополам, к изумлению гитаристов.

- Вы с ума сошли, что ли?! - не помня себя, завопила женщина, - как я теперь ходить буду?

- Как и все остальные. Поднимайся, - сухо сказал он, - поднимайся, я сказал!!!

Она перенесла вес на локти, затем на кисти рук. Далее она неуверенным движением пыталась встать на ноги. Ее руки дрожали. Она встала на правое колено, затем поставила на брусчатку левую ногу и попыталась опереться на нее. Было видно, что ноги слушаются ее очень плохо.

Женщина поставила рядом правую ногу и медленно начала разгибаться, перенося вес тела на ноги. По ее мертвенно-бледному лицу трудно было понять, что она чувствует. Но уже буквально через долю секунды ее лицо перекосилось от резкой, пронзающей насквозь боли. Как подкошенная, женщина упала на мостовую, потеряв сознание.

Последнее, что видели ошеломленные свидетели этой сцены, был мужчина, который, перекинув незадачливую музыкантшу через плечо словно легкое перышко, удалялся в неизвестном направлении.

3

Шасси самолета мягко коснулись взлетно-посадочной полосы международного аэропорта Хургады. Амира быстро прошла паспортный контроль. Ее разбирала досада от того, что она не может взять машину напрокат. Все международные фирмы по прокату твердили одно и то же, словно тропические попугаи.

Да, ей еще не исполнился двадцать один год. И что? Она водила автомобиль лучше их всех, вместе взятых. За три года у нее не было ни одной аварии и ни единой царапинки на машине. Господи, просто бред какой-то. Найти бы сейчас какую-нибудь местную контору, может быть, удастся их уговорить как-то. Но нет, все, как назло, закрыто.

Вздыхнув, она направилась к стойке заказа такси. Покажется смешным, но она никогда не ездила на такси. К счастью, уже через десять минут водитель погрузил ее чемоданы в машину, и такси под веселую музыку помчалось в сторону Марса-Алама.

Амира надела солнцезащитные очки и разглядывала окрестности. Для кого-то пейзаж мог бы показаться скучным, с левой стороны простиралось безбрежное Красное море, а справа – Аравийская пустыня. Изредка пустынный пейзаж разбавлялся зданиями гостиничного комплекса, школой или еще каким-нибудь объектом.

Но ее здесь завораживало буквально все. Она увидела эти покрытые песком горы пустыни еще из самолета и, кажется, влюбилась в них с первого взгляда и навсегда. Она счастливо вздыхала, предвкушая месяц райского времяпрепровождения. Непроизвольно сняв с волос заколку, она вертела ее в руках. Непослушные кудрявые волосы разлетелись в стороны, словно льняная копна. Она была уже счастлива!

Она с удовольствием витала бы в облаках и дальше, но странный диалог, которой водитель такси вел с кем-то по рации, вернул ее на землю. Она какое-то время не могла включиться в процесс, не могла взять в толк, почему понимает, о чем он говорит.

- Слушай, Али. Тут такая цыпочка ко мне в машину села. Горячая до невозможности. Хороша девка! А какие губки! Мммм..Не могу прямо, как хочется провести с ней вечерок. Что? Говоришь, пригласить? Я потому-то и хотел с тобой посоветоваться. Я на этой работе недавно, вдруг девка нажалуется, и меня выгонят? Нет. Не русская. Да нет, наоборот, хрупкая вся такая. Волосы такие, ахх...прямо сейчас зарылся бы в них губами и целовал. Ладно, так и сделаю.

Амира стиснула зубы и вновь надела очки, которые в порыве мечтаний оказались в руках вместе с заколкой. Вдруг она услышала, как водитель обращается к ней на ломаном английском.

- Красавица, скажи. Как ты попасть в наша страна одна? Где твоя мужчина? Как она отпустить тебя такая красавица? Я бы никогда не пустить. Послушай, а ты не хочешь сегодня вечером встретиться и выпить чего-нибудь? Я знать отличный рэсторан в Хургада, я тебя сегодня приглашать!

Амира молчала.

Водитель не унимался.

- Почему ты молчать, красавица? Не бойся, с тобой ничего не случится! Я угостить, потанцевать тебя, мы прекрасно проводить время. Ишь ты, недотрога какая, добавил он уже по-арабски.

Амира не отвечала. Она пыталась понять, что же будет дальше. И долго ожидать не пришлось. Водитель, приближаясь к какому-то глухому повороту, неожиданно свернул вправо, а потом резко нажал на газ, удаляясь в неизвестном направлении.

Амира медленно приблизилась к нему с заднего сидения. Она говорила тихо, но была к водителю так близко, что дыхание касалось его затылка. Секундой позже в шею ему уперся какой-то странный предмет. На безупречном арабском она сказала:

- Послушайте. Допустим, вы не смотрите телевизор и не портите себе по утрам аппетит чтением иностранных газет. Допустим, вы не знаете, кто я. Но что бы вы ни замыслили, вы совершенно зря это затеяли. Прямо сейчас вы нажмете на тормоз, развернете автомобиль и вернетесь на главную трассу. Далее вы поедете в направлении Марса Алама и отвезете меня в мой отель. Вы забудете все, что только что сказали своему другу и мне. Просто тихо поедете и все. А если вам это не подходит, и вы не прочь потанцевать меня, то у меня займет ровно две секунды, чтобы проткнуть вам сонную артерию. Обычно я считаю до двух. И «раз» я уже сказала.

Ошеломленный водитель сильно побледнел и, казалось, потерял дар речи. Он медленно остановился, не говоря ни слова, развернул машину и до самого отеля ехал, не проронив ни звука.

Она резко села. Судя по всему, ей плеснули в лицо ледяной водой. Она вновь увидела перед собой лицо пожилого мужчины.

- Как я здесь оказалась? Что вам нужно? Вы меня украли с целью выкупа? Вам никто не заплатит. Я никому звонить не буду, а что вы сделаете со мной, мне безразлично. Так что не тратьте времени понапрасну.

- Нет, дорогая моя. Выкуп – слишком малая доля того, что мне нужно. Мне нужно гораздо больше. Мне нужна ты.

- Дорогая моя? С каких это пор? Я уже почти смирилась с вашим фамильярным «ты», но «дорогая моя»! Чувство такое, что я попала в дешевый бордель. Может быть, еще и содержимое вашего носа на пол прочистить изволите?

- Послушай, не ерничай, ладно? Я хочу тебе помочь. Для начала закатай брюки. Мне нужно осмотреть твои ноги.

- Да кто вы такой, чтобы указывать мне? С чего вдруг я должна показывать вам ноги?

- Хорошо, я представлюсь. Меня зовут Говинда Таманг. Я полковник национальной армии Патонга. Набираю новобранцев на контрактную службу. У нас особенное подразделение, и поэтому мне нужны в него совершенно особенные люди. Я присматривался к тебе всю неделю. И мне нужны такие, как ты: молодые люди с крепкой психикой, высоким интеллектом, большим потенциалом к обучению, волевые, решительные, принципиальные, но в то же время

такие люди, которым, по сути, нечего терять в этой жизни. Не знаю, что там произошло у тебя, но я нутром чую, что ты – наш человек. А я еще никогда и ни в ком в этой жизни не ошибался. Давай, покажи ноги.

Она медленно подняла голову и пристально посмотрела ему в глаза. Потом, не говоря ни слова, закатала широкие брючины до колен.

На лице этого много повидавшего в жизни мужчины не дрогнул ни единый мускул, хотя любого другого на его месте вывернуло бы наизнанку. Начиная от колена и до самой стопы ноги женщины представляли собой распаханное месиво. Казалось бы, на коже не осталось ни единого живого места, все было покрыто уродливыми иссиня-багряными толстыми шрамами.

- Где это тебя так угораздило? - вырвалось у него.

- И это еще не все. У меня нет, похоже, ни единой целой кости на теле. У меня зрение минус четыре. Что? Вы еще хотите взять меня в армию? Вам все еще нужны такие особенные люди, как вы изволили выразиться? Может быть, разойдемся тихо, пока еще не поздно?

- Я говорю тебе, что не ошибаюсь в людях. И обсуждению это не подлежит, понятно? Я позвоню сейчас кое-кому, и тебя осмотрит доктор. Я думаю, у тебя в ногах стоит титановый штифт, и судя по всему, далеко не один.

- Господи, да откуда вы все это знаете? У меня на лбу написано, что ли?

Он продолжал, не обращая внимания на ее ремарку.

- Нужно сделать рентгеновский снимок и посмотреть на крепления болтов. Не могу сказать, что тебе придется слишком долго или слишком много бегать, тем не менее, тебе нужно будет быть в отличной форме. А это предполагает очень активные занятия и спортом, и бегом. Самое страшное, что может произойти, это то, что у тебя сломается болт. А с остальным справимся. Если все будет хорошо, то мы поставим тебе на ноги специальный сенсорный корсет, который будет способствовать заживлению ног и тренировке мелких мышц, поддерживающих кость, и благодаря которому ты со временем сможешь не только полноценно ходить, но и бегать. Корсет этот ты будешь носить лет пять-семь. А вот пластины, судя по состоянию ног, тебе придется носить, возможно, всю жизнь. Но точно только снимок покажет. Со всем остальным не вижу проблем. Тебя осмотрит окулист, а потом мы прооперируем тебе глаза, чтобы остановить дегенеративные процессы и предупредить ухудшение или потерю зрения в случае, если кто-то случайно решит ударить тебя по голове. А твои боли по поводу сломанных когда-то костей тебя вообще беспокоить не должны. Лечение нашими травками поставит тебя на ноги, и быстро. И оно куда более безопасно для твоего здоровья, чем тот уродливый косяк, который ты курила вчера. После серии тестов на психическую устойчивость мы приступим к тренировкам.

- Впечатляет. Только с чего вы взяли, что мне все это нужно?

- А разве нет? Хочешь ли ты вернуть назад свое здоровье? Хочешь ли ты вернуть назад свою жизнь? Ах, какой сложный выбор! Но, может быть, ты хочешь назад, на площадь? Назад, к своим страшным деревянным костылям? Кстати, а почему ты выбрала деревянные? Ведь сейчас все ходят с алюминиевыми? Нет. Я думаю, ты хочешь продолжать забивать косяки и быть приговоренной к смертной казни в нашей замечательной стране. Или, если тебе очень

повезет, и ты сможешь не попасться в лапы полиции, тебя ждет наркотическая зависимость, которая рано или поздно заканчивается героиновыми инъекциями и передозом. В твоём случае это будет скорее поздно, чем рано. Но в том, что будет, можешь не сомневаться. И что дальше ты будешь делать? Продашь все вещи ради очередной дозы? Займешься проституцией? Не думаю, что кому-то понадобится седовласая шлюха на деревянных костылях. Побираться будешь? Что тогда? Выбор действительно сделать очень трудно, правда?

В воздухе повисла напряжённая тишина. Женщина так ничего и не сказала в ответ. Её нижняя губа была закушена, и из неё медленно, тонкой струйкой, сочилась кровь.

Потом она медленно произнесла: «Елена Скворцова».

4

Амира неторопливо шла вслед за носильщиком. Господи, какой же здесь воздух! Она всю свою жизнь прожила на берегу Средиземного моря, но оно никогда не пахло так! Она сделала глубокий вдох, вглядываясь в бескрайне-синие просторы моря.

Каждое море таило в себе какую-то загадку, которую до конца не мог разгадать никто. Но равных Красному морю не было нигде. Его характер чем-то напоминал ее саму. Внешне красивое, утонченное и абсолютно спокойное, в потайных глубинах оно скрывало многогранный внутренний мир, где кипели нешуточные страсти.

Богатства его открывались не всем и не сразу, а лишь по мере того, сколько каждый мог воспринять. Для кого-то это море было лишь еще одним морем. И оно не торопилось стать для него другим.

Кому-то открывались прибрежные рыбки, всегда плавающие в одном и том же месте, всегда одинаковые. Чтобы увидеть их, достаточно было зайти в море примерно по колено и взглядеться.

Но чтобы увидеть более редкую рыбу, более экзотических расцветок и крупнее, нужно было научиться плавать, и как минимум, не бояться спуститься в море с понтона, где ноги уже не могли опереться о дно, и пропадало состояние безопасности.

И лишь избранным открывались истинные грани морской жизни, глубинная красота его подводного мира, изящество его жизни, его натуры, его характера. Лишь тот, кто мог надеть акваланг и пройти недели тренировок, мог получить от общения с морем самые незабываемые впечатления. Черепахи, дельфины, скаты и другие удивительные диковины морских недр открывались тем, кто имел смелость, решительность, настойчивость и терпение.

И те, чье соприкосновение с этим свободолюбивым обитателем планеты оказывалось не совсем удачным или неудачным вовсе, надолго или практически навсегда теряли желание подходить к нему ближе, чем на пушечный выстрел. В неудачный день оно жалило укусами медуз, пронзало тело острыми иглами ежей, сверлило злыми глазами ненасытных барракуд, а то и вовсе могло в самый неподходящий момент показать злобный оскал голодных акул.

Его внешнее спокойствие было показным фарсом, блефом разыгравшего свою партию расчетливого шулера, карты которого были крапленными, а в рукаве прятался дежурный туз. Всего в метре от поверхности этого странного моря бушевали страсти подводных течений, относивших посягавших на морское чрево пловцов куда ему заблагорассудится.

И для кого-то море могло стать очень опасным, а итог - непредсказуемым.

Но Амира самозабвенно любовалась величественной морской красотой. Она знала, что это море могло напугать кого угодно, но только не ее. Она имела твердое намерение укротить этого тигра и испить чашу до дна.

У нее уже был сертификат по дайвингу в закрытой воде, и она твердо решила продолжить обучение, после чего она обязательно покорит рокового красавца.

Ее юные фантазии уносили ее все дальше и дальше. Вот она видела красивый белый шатер на песчаном берегу карамельного цвета, зажженные свечи, бокалы вина и двух людей,

танцующих вальс прямо на песке. Мужчина был одет во фрак, а женщина в красивое черное вечернее платье.

Ее белые кудрявые волосы были туго стянуты в элегантный вечерний узел, осанка грациозна, а в озорных карих глазах играли чертики. Молодой человек был высокого роста и темноволосый, со статной осанкой. Ему удивительно шел этот черный фрак, казалось, что случай надеть его выпадал часто, так естественно он себя в нем ощущал. Эти двое не замечали никого вокруг себя.

Рука в руке, они двигались в такт музыке, еле уловимой постороннему слуху мелодии своих сердец.

- Мэм, с вами все в порядке? - услышала она голос где-то совсем близко от себя.

Она встряхнула головой. Где это она? Ах да. Носильщик с ее чемоданами озадаченно смотрит на нее.

- Да-да, все хорошо, - ответила она.

Они проследовали к ее бунгалу. Номер был двухэтажным, просторным и светлым. Она достала пятидолларовую банкноту и поблагодарила носильщика.

Говинда Таманг улыбался сегодняшнему дню. Все шло прекрасно. С Еленой пришлось повозиться, ее восстановление и подготовка затянулись на целый год, но теперь-то ему, наконец, удалось сделать из жалкой бродяжки жемчужину.

Наступил час икс. Сегодня он передаст ее под руководство майора Сиддхардха Сотти. Майор славился своим зверским характером и жесткими методами работы, но только он мог сделать из гадкого утенка настоящего воина. Его военная подготовка не имела равных во всей стране.

- Пойди собери вещи. Сегодня мы переезжаем в другой лагерь. Сейчас сюда приедет майор Сотти, и я познакомлю вас. Будь готова, он очень суров, но это просто киборг. Он тебя научит таким вещам, о которых и мечтать не могла девушка твоих лет. Он сделает из тебя королеву армии.

- Господи, уж не наемных ли убийц вы готовите здесь?

- Убийц? Да нет. Ну, если только чуть-чуть.

... На пустынный пляж в южной части Патонга пришли двое людей. Один был одет в черную военную форму. Рядом с военным шла его спутница, облаченная в короткий подводный костюм из неопрена. Они прошли практически весь пляж, не проронив ни слова.

В конце пляжа, скрытого от посторонних глаз, находилась небольшая лодка. Они сели в нее и отплыли в неизвестном направлении.

В каком-то странном месте, где нельзя было разобрать, что к чему, лодка остановилась.

- Надевай утяжелители.

- Зачем?

- Надевай, сказал. Полгода уже с тобой вожусь, и все без толку. Все твои показатели в норме, но ноги твои по-прежнему как бревно. Они живут своей жизнью, отказываются тебя слушаться! Твоя физическая форма не позволяет тебе полноценно вкладываться в работу. И ладно бы еще проблема была действительно в ногах, но проблема – в твоей голове! И сейчас я навсегда избавлю тебя от нее. Надевай манжеты. Пришло время покормить рыбок. Ты должна будешь достать со дна и принести мне сюда буй с подводным радиопередатчиком. По моим данным, его отнесло сюда. Задача проста до неприличия. Мы находимся на мелководье, и чтобы добраться до дна, тебе потребуется всего несколько секунд. Там тебе будет нужно поднять небольшую пластиковую коробку и вынырнуть наверх. И все. Если будешь работать ногами, всплывешь без проблем.

- А если я откажусь?

Ее виска коснулось холодное дуло пистолета.

- Не откажешься. У тебя нет выбора. Если не сейчас, то никогда. И не вздумай слинять. За тобой будет следить эта симпатичная камера. И он показал куда-то рукой.

Она молча надела утяжелители на голеностоп и плотно застегнула их ремнями. Все также находясь под прицелом, она встала на край лодки и прыгнула.

С помощью утяжелителей она достигла дна достаточно быстро. Действительно, передатчик находился здесь. Она подняла коробку и зафиксировала ее на поясном ремне. Теперь нужно было быстро подняться наверх, прежде чем в легких закончится кислород.

Она начала подниматься. Сказать было легче, чем сделать. Руки ее работали, но ноги висели как плети. Так всегда случалось, когда она оказывалась в экстремальной ситуации. Срабатывал какой-то странный психический замок. Она уже нормально ходила, но стоило ей оказаться в какой-то внештатной ситуации, все начиналось снова.

Она все энергичнее работала руками, но утяжелители хуже любой бетонной плиты тянули ее обратно на дно. Она отчаянно боролась, но с каждой секундой это становилось делать все труднее. Силы быстро покидали ее. В голове появился неприятный звон. Каждая новая попытка лишь отнимала силы.

Через несколько минут она камнем рухнула на дно, сильно ударившись левым боком. Кажется, ее песенка была спета. Внутри все разрывалось от боли, она теряла сознание.

Все говорят, что когда человек погибает, перед ним пробегает вся его жизнь. Не в ее случае, видимо. Она не увидела ни одного события. Только сплошная тьма.

Она пыталась отстегнуть утяжелители, но хитрая двойная застежка не поддавалась. Да и сил уже не было.

Глаза уже закрывались, как вдруг мозг словно молнией пронзил образ. Да такой яркий, что она мгновенно очнулась. Откуда-то резко запахло сырой землей. Более чем странно, ведь в Патонге редко шли дожди.

Майор Сотти встревожено взглянул на переносной монитор. Он видел ее отчаянные попытки и находился в нерешительности. Ему не был нужен в отряде бракованный материал, человек, который подведет их всех в самый ответственный момент.

Но и уехать он не мог. Он был военным и прекрасно знал Устав. Он не мог бросить человека умирать здесь, каким бы негодным солдатом он ни был.

Майор отстегнул кобуру, резким движением снял тяжелые кожаные ботинки, и уже был готов ринуться в недра океана, как вдруг возле лодки раздался мощный всплеск, и из воды показалась лысая голова. Это была Елена. Жадно лоя ртом воздух и издавая нечеловеческие звуки, она схватилась обессиленной рукой за край лодки.

Он быстро схватил ее за руку и втащил в лодку. Набросил одеяло и привел в чувство с помощью маленькой фляжки, которую всегда возил для таких случаев.

- Молодец, девочка! Ты сделала это. Он довольно похлопал ее по плечу.

Прошло уже две недели с тех пор, как Амира приехала в Марса Алам. Дни текли неспешно. Утром она занималась в школе дайвинга, после обеда брала лошадь в ближайшей конюшне и ездил верхом по Аравийской пустыне. Вечером, следуя привычному распорядку, она практиковалась на инструменте.

И вот сегодня наконец состоялся первый выход с аквалангом в открытую воду. Восторгу ее не было предела. Она чувствовала себя как ребенок, попавший в кондитерскую лавку: все было в диковинку, все поражало воображение неискушенной юной леди. Впервые за много лет она была по-настоящему счастлива.

Единение с природой благотворным образом действовало на ее душу.

По характеру она была скорее нелюдистой, чем душой компании. Ей не нравились все эти приемы, встречи, вечеринки, многочисленные интервью не менее многочисленным изданиям – все то, что с детства окружало ее и ее семью, и чего ей вряд ли когда-нибудь удастся избежать.

Она бы с удовольствием променяла все это на часы, проведенные с книжкой, которую бы с упоением читала, лежа в гамаке в самом обычном деревенском саду. Однако у подобных ей людей выбор был не слишком-то велик. Ей была уготована роль публичного человека, и придется смириться с этим, хочешь ты того или нет.

Но в те редкие моменты, что ей даровала жизнь исключительно для себя самой, она жадно наслаждалась этой самой жизнью; как измученный жаждой путник в пустыне набрасывается на воду, она набрасывалась на уединение, которое проводила в тихих уголках собственной души.

Сегодня, как и обычно, она взяла с собой специальный, плотно прилегающий к телу рюкзак, бутерброды и воду, небольшое полотенце и свою любимую книгу и направилась верхом в Аравийскую пустыню. После прогулки она надеялась укрыться в тени какой-нибудь скалы и тихо, с расстановкой, почитать.

Разогнав лошадь в галоп, она летела по пустыне, словно птица. Она чувствовала себя такой свободной, что терялось ощущение места и пространства, терялось чувство реальности. Только ты и ветер. Ты и пустыня. Ты и свобода.

Сколько она вот так ехала, она так и не поняла. В себя пришла только тогда, когда увидела, что подъехала уже довольно-таки близко к национальному парку Эльба. Лошадь по виду сильно устала. Хотелось пить.

«Да уж, еще немного, и мы уехали бы в Судан» - подумала незадачливая наездница.

Было уже поздно, и начинало темнеть. Да, ну и вляпалась же она в историю. Сейчас уже точно будет не до книжек. Что если она наткнется на каких-нибудь бандитов по дороге? Маменька уж точно не упустит случая сказать: «Я же тебе говорила!».

Подумав это, она вдруг увидела прямо на своем пути костер. На душе стало весьма неспокойно, но деваться было некуда, другой дороги назад не было. Не на шоссе же ей выезжать? Там вообще неизвестно, чем все могло закончиться. И как она его не заметила?

Подъехав ближе и спешившись с лошади, девушка на всякий случай набрала в ладонь горсть песка, чтобы бросить его в глаза обидчику, если понадобится. Однако уже через долю секунды заметила, что перед ней был самый обычный турист. Одет он был в арафатку, которую выдают для катания по пустыне на квадроциклах.

Судя по всему, турист был непростой. Рядом с ним находилась лошадь. Инструктора поблизости не было.

Она поняла, что с лошадью что-то произошло. Лошадь не стояла, а лежала на песке.

Подойдя ближе, она спросила, не нужна ли помощь. Хотя какую помощь она могла оказать. Сама не поняла даже, зачем спросила.

Мужчина снял арафатку, и обнаружилось, что это был вполне себе молодой человек лет двадцати семи-двадцати восьми.

- Здравствуйте! Поехал прокатиться, да так увлекся красотами пустыни, что и не заметил, как лошадь расковалась. Мы довольно долго проехали так, и она повредила ногу. Я уже вызвал помощь, и скоро ко мне должны приехать. Но я заехал слишком далеко, и, возможно, это займет время. А как вы здесь оказались?

- У меня почти та же история. Мы выехали прокатиться по пустыне, но так увлеклись, что, похоже, наше чувство реальности улетело в открытый космос.

Она собиралась уже было сказать, что раз все в порядке, то она, пожалуй, поедет, так как ей не хотелось бы путешествовать по темной пустыне в одиночку.

Но тут молодой человек подошел ближе.

- Раз уж мы оказались с вами здесь в таких необычных обстоятельствах, позвольте представиться. Меня зовут Анхель.

Он как-то слегка наигранно протянул ей руку. В ее кругу не было принято здороваться за руку, но поставить в неловкое положение незнакомого мужчину ей хотелось еще меньше. Поэтому, после некоторых колебаний она протянула ему руку, туго затянутую в перчатку.

Она взглянула ему прямо в лицо. Какие интересные глаза. Волосы незнакомца были темного, почти черного цвета, а глаза – темно-серые, цвета каменного угля. Казалось, они были столь же самородны, как графит, а глубина их взгляда вмещала весь мировой запас антрацита.

На губах этой горной энциклопедии в виде заблудшего туриста, стоявшего посреди пустыни, играла улыбка. Его рука, как ей показалась, задержала ее руку чуть дольше положенного приличия.

От незнакомца исходил тонкий запах дорогого парфюма, и Амиру словно начало уносить в какую-то неведомую ей плоскость.

Голова начала слегка кружиться, а в животе забились стая диких бабочек. Она услышала, как назвала страннику свое имя.

- Извините меня. Я не знал. Было с моей стороны верхом бестактности протянуть вам руку.

Амира слушала вполголоса. Так ведь она знает его! Господи, но как же он здесь оказался? Ирония судьбы, да и только. Однажды она с ним даже на одном посольском приеме виделась. Они тогда были совсем детьми, и по понятным причинам их друг другу не представили.

Анхель с хромой лошастью был никто иной, как Анхель Аарон Рамон Мигель Теодоро Оливера, наследный принц небольшого европейского государства Кастания, и единственный сын короля. У короля и ее отца был общий друг, посол Кастании в Марселе.

Что он делал здесь, один? Где его охрана? Все это не поддавалось никакому объяснению. Но для человека ее круга меньшей неожиданностью было встретить на улице королевскую особу, чем то, что через два с половиной месяца они оба приступают к работе в одном и том же оркестре, оркестре «Фортиссимо», который принадлежал ее отцу.

В семье Оливера был давно устоявшийся обычай на какое-то время посылать детей работать после окончания университета. Но почему не в королевский оркестр Кастании? Еще одна загадка. Но, впрочем, она любила загадки.

- Никакого неудобства. Я живу во Франции, католичка. В моей семье не совсем принято здороваться за руку, но и неприличным это не считается. И я осведомлена, что и вашей семье за руку не здороваются.

С этими словами она дерзко взглянула прямо в его глаза. Казалось, они поняли друг друга без дальнейших объяснений. Никто не мог выдержать ее кипящего взгляда более двух секунд. Но Анхель, как замороженный, все смотрел и смотрел. Эта игра душ, противостояние двух сердец словно бы затягивали Амиру в сладостную воронку, названия которой она пока что не могла понять до конца.

От лагеря отъехал небольшой джип защитного цвета. В машине сидели двое военных, за рулем сидел Сиддхартх, а рядом - Елена Скворцова. Сиддхартх был одет в черную форму, традиционную для местных военных. На Елене были черные военные брюки и белая футболка.

Она недоумевала, куда он везет ее, но виду не подавала и все время сидела молча. Вдруг машина заехала в небольшой карман и остановилась.

- Вылезай, - тихо сказал майор.

Елена недоуменно посмотрела на него.

- И что я теперь должна делать? Вы будете пытаться повесить меня на скале, чтобы проверить как-то еще?

- Сейчас сама увидишь. Сегодня мы с тобой будем учиться бегать.

Елену разрывали на части противоречия. Она не хотела бегать. Она боялась, что ноги опять откажутся слушаться ее. Но с Соти выбор был невелик. А разговор обычно проходил коротко. Поэтому она, не говоря ни слова, вылезла из джипа.

- Вставай перед машиной.

Она молча повиновалась.

Сиддхартх, не объясняя ничего, тихонько нажал на газ, и джип поехал прямо на нее.

- Теперь разворачивайся и беги. А если не хочешь, я раздавлю тебя прямо здесь. И я не шучу.

Елена не верила ему. Она знала, что он не убьет ее. Не убил же тогда, в лодке. Однако Сиддхартх, казалось, не шутил. Машина вплотную подъехала к девушке и уперлась бампером ей в колени. Джип ехал медленно, но бампер все больше и больше гнул ей ноги. Еще немного, и они хрустнут, как две полые куриные косточки.

Закусив губу, Елена развернулась и пошла прочь от автомобиля. Но в майора, казалось, вселился дьявол. Джип ускорился. Елена уже тихонько бежала. Она не верила своим глазам, но она бежала!

Неубедительно это было лишь для Соти, давившего на газ. Машина разгонялась все быстрее и быстрее, и еще немного, и она ударит ее. Елена как угорелая неслась вверх по запутанному горному серпантину. В ее голове роились самые разные мысли.

Наверное, Сиддхартх просто потерял рассудок, что часто бывает с военными горячих точек от психических перегрузок.

Еще немного, и он переедет ее. И ее короткая жизнь закончится прямо здесь. Инстинкт самосохранения двигал ее ноги, заставлял ускользать от сумасшедшего за рулем джипа, но он постоянно настигал ее. Еще бы! В отличие от джипа она не могла разогнаться до скорости 50 километров в час!

Перед глазами полетели золотые звезды. Пульс зашкаливал, а в висках стучала тысяча маленьких молоточков. Она бежала как угорелая, понимая, что еще несколько секунд, она потеряет сознание, и все для нее закончится. Сложно было догадаться, сколько продолжалась эта пытка, но, похоже, она загнала себя окончательно. Елена уже начинала мечтать об обмороке, только бы прекратить эту безумную агонию.

Взлетев почти на самый верх серпантина, она поняла: все, это конец. Сил больше не было, перед глазами все поплыло. Она забежала в карман, а потом как подкошенная рухнула на колючий мелкий гравий и отключилась.

Очнувшись, она увидела, что лежит на обочине. Ее доселе белоснежная футболка была вся в дорожной пыли, колени и локти разбиты. Ни джипа, ни Сиддхартха в пределах видимости не обнаружилось.

5

Амира была на седьмом небе от счастья. Нет, ей, конечно, и раньше нравились молодые люди, и она даже кое с кем встречалась, но отношения с Анхелем трудно было описать простыми словами.

Они использовали это лето на полную катушку. Они узурпировали, украли его у жизни и наслаждались каждой его минутой, зная, что когда придет осень, их, скорее всего, разбросает по разные стороны баррикад.

Анхель был так похож на нее, и в то же время так бесконечно от нее далек, что это порой сводило ее с ума, но еще сильнее притягивало к нему, словно гигантским магнитом. Выяснилось, что они родились в один день. Наверное, это что-то проясняло в их невероятном друг к другу притяжении.

Прошло уже почти три месяца с тех пор, как они начали встречаться, и, как ни странно, они не надоедали друг другу, хотя проводили вместе почти все свободное время.

Амира не знала, что ей нравится в нем больше: чувственная мужская красота, четко очерченный рот, немного грустные глаза со слегка опущенными вниз уголками, манера держать себя или же то, что они могли часами, сутками даже говорить друг с другом на самые разные темы, не утомляясь и не раздражая друг друга.

Она почувствовала буквально с первых минут, что Анхель - ее родственная душа. Эта мысль иногда пугала ее, пугала настолько, что ей хотелось бежать на край света, но каждый раз он брал ее за руку, как будто чувствуя что-то, и темная пелена сомнений опадала, как старая мишура.

Она редко с кем находила общий язык настолько хорошо. Да, был еще ее брат Люк. Люк вообще был ее вторым я. Потом еще отец. Но это, конечно же, было все не то. Ее удивляло и немного пугало то, что она так хорошо чувствует и понимает человека, которого не знает и трех месяцев, но душа рвалась к нему, будто они были знакомы всю жизнь.

Когда он брал ее за руку, ее тело пронзал тонкий электрический разряд, а стая бабочек начинала танцевать вальс внизу живота. Ее словно бы уносило куда-то, реальность переставала существовать, а время замирало.

Они часто сидели на пляже, завернувшись в клетчатый плед, и глядели на море. Он обнимал ее, а она клала голову ему на плечо. Иногда он легонько целовал ее, и она улетала куда-то, словно пушистая снежинка, подгоняемая ветром.

У нее было много, очень много воздыхателей, но никто не поражал ее воображения, ни с кем не хотелось никуда улетать.

С Анхелем все было по-другому. С ним ей удавалось насладиться каждым новым витком отношений. И каждый раз, когда ей было немного страшно, он держал ее за руку и что-то тихо шептал по-испански на ухо. Его дыхание щекотало кожу, она утыкалась носом в его волосы, казалось, что рай на земле есть, и он наступил уже сейчас.

- Что это? - грубоватый сержант в черной военной форме и с коротко стриженным ежиком волос сердито посмотрел на Сиддхартха.

- Это наш новобранец, точнее, новобранка.

- Что у нее с ногами? Что это за кожаные авоськи намотаны на них? Ты мне сюда что, калек начал приводить?

Сиддхартху сложно было не захихикать над только что придуманным им словесным оборотом.

- Ее зовут Елена, ее рекомендовал Говинда. Да, с виду ни рыба, ни мясо, но ты же знаешь, Говинда никогда не ошибается. Поэтому нам нужно начать особую подготовку уже сейчас. С ногами у нее все в порядке. Проверено грузовиком! - довольно похлопал себя по животу Соти, - она полностью готова к дальнейшей обработке.

Сержант прошел мимо вытянувшихся в струнку солдат и подошел к Елене, стоявшей в самом конце шеренги. Она была почти на две головы ниже остальных, щупленькая, но держалась гордо и с достоинством, чем невольно завоевала расположение сержанта, почти что против его воли.

Он подошел к ней вплотную, нарушив все нормы приличия и личных границ. Сощурился, он сказал:

- Что же, посмотрим, на что ты способна, мамочка.

Месяц спустя Говинда, Сиддхартх и Елена были замечены в боксерском клубе «Тикча» в центре столицы Патонга.

Посередине ринга стоял огромный, потный детина ростом, казалось бы, метра под два. Его ноздри раздувались от ярости, кулаки были сжаты, выражение лица было весьма агрессивным.

Этот огромный мешок из мяса и костей уложил в глубокий нокаут уже двоих борцов и готов был порвать еще дюжину.

- Говинда, ты уверен, что мы правильно поступаем? Ты знаешь, что этот клуб работает нелегально. К тому же, это бои без правил. И почему ты хочешь выпустить Елену против этого бора? Он выше ее почти на две головы и тяжелее раза в два. Он ее просто одним пальцем прикончит. А нас с тобой ждет трибунал.

- Наплевать. Ты прекрасно знаешь, что в нашем отряде либо становятся лучшими, либо убираются. Если она уберется на тот свет, мне все равно. Мне, наверное, не стоит повторять, Сиддхартх, что когда ей придется выполнять настоящие задания, никто не будет подбирать противников в ее весовой категории, знающих языки, манеры и столовый этикет. Никому не будет дела до того, что она женщина. Ей придется часто работать на пределе своих возможностей, когда ситуация наверняка застанет ее врасплох, и не будет времени на долгие размышления. И она должна знать, где этот предел, должна знать, откажет ли ее организм, и если да, то в

какой момент. И если этот увалень прикончит ее сейчас, так тому и быть. Но это лучше, чем она потом подставит правительство в самый неподходящий момент. А с трибуналом я как-нибудь разберусь, если нужно будет. Ты не знаешь всего, Сиддхартх. Я намеренно не рассказывал тебе. Но у Елены есть одно очень слабое место, к моему сожалению. Я с самого начала знал, что с ней что-то не так. Никогда не забуду этот ее наплевательский вид тогда, на площади. Но нашей службе внешней разведки удалось кое-что накопать на нее. И кто знает, если бы эти сведения были у меня раньше, я бы, наверное, не решился взять ее в отряд, слишком велик риск. Но теперь уже поздно, слишком много времени прошло, слишком много сил вложено, и слишком много поставлено на кон. Ты лучше моего знаешь, какие невероятные успехи она показывает во всем остальном. С ней никто не может сравниться, даже и близко подойти не удавалось еще никому. Но эта роковая красотка как будто идет по тонкому льду. Он надламывается под ней, и назад дороги нет, только пропасть. Когда наступит нужный момент, я надавлю на эту ее больную мозоль. Мне очень важно увидеть, каковы резервы ее организма, и что она станет делать. Дай ей шлем и капу и выпускай на ринг.

Боров был в ярости.

Они, что издеваются? Ему, королю ринга, подсунули какую-то фарфоровую куклу. Он стерпел от хозяев ринга много унижений, чтобы добиться того, чего добился, и он не потерпит этого цирка более. Он сейчас проломит башку этой стеклянной вазе, и дело с концом.

С этими мыслями он яростно смотрел на появившуюся в углу ринга Елену. Ударил гонг. Дитина вскинул руки и резко направился в середину ринга. Елена тоже. Говинда не успел даже ойкнуть, как дитина накатил смачный удар ногой прямо в живот Елене. Девушка крикнула и скрючилась, но не сдавалась.

Она с большим трудом выпрямилась, но еще пыталась сопротивляться. Однако дитина на ринге не оставлял ей, похоже, ни единого шанса. Буквально мгновение спустя в ее голову полетел мощный удар кулаком. Потом удар другим кулаком под ребра. Елена взвыла и схватилась за бок. Еще один удар в живот и девушка, сложившись пополам, лицом вниз рухнула на ринг.

Сиддхартх кусал губы. Похоже, сумасшествие Говинды в этот раз перешло все границы. Нужно кончать это безобразие немедленно.

Но он не успел ничего сделать, так как Говинда, раздвинув канаты, устремился на ринг.

«Ребра. Что-то с ребрами. Возможно, перелом. А может быть, еще чего похуже», - размышлял он. Но останавливаться было уже слишком поздно.

Этот маленький момент майор Сиддхартх Сотти запомнит надолго. Говинда, стоя на коленях и склонившись к Елене, что-то сердито шептал ей на ухо. Было видно, что он даже вспотел.

Но, кажется, все было напрасно. Чертыхаясь, Говинда встал и направился в сторону так называемого рефери.

И в этот момент произошло что-то странное. Елена, еще две секунды назад пластом лежавшая на ковре, медленно начала подниматься. Вот она, пошатываясь и держась за бок, стоит в полный рост.

Боров-убийца, увидев, что его добыча все еще сопротивляется, быстрым шагом направился к ней, чтобы прикончить окончательно.

Его кулак опять полетел ей в голову. Как ни странно, Елена увернулась, а детина по инерции пролетел немного вперед. Когда он, наконец, развернулся, Елена, резко ухватившись за его плечи, подпрыгнула и нанесла сокрушительный удар головой в лоб чуть повыше глазных впадин.

Из глаз детины посыпались искры. Елена, казалось, совсем озверела: лицо ее было перекошено от бешенства, глаза налились кровью, кулаки сжались в припадке лютой ненависти.

Попадись ей сейчас целый отряд таких качков, она бы, наверное, прикончила их всех.

Воспользовавшись его минутной слабостью, она резко и точно наносила прицельные удары голенью правой ноги ему в бок, голень, левую руку. Потом она нанесла сокрушительный удар локтем в голову. Детина повалился на ковер, но Елену было уже не остановить.

Еще секунда, и она его убьет. Говинда, понимая, что с ней уже никому не справиться, достал из кармана какой-то полупрозрачный пластиковый предмет, похожий на микрошприц, и почти незаметно вскинул руку. В ту же секунду Елена рухнула ничком, как подкошенное дерево.

Босния и Герцеговина.

Ему не хотелось умирать, но, похоже, выбор был не так уж велик. На голове у него был черный тканевый мешок, а руки связаны. За те две минуты, что он простоял на этой сырой, холодной земле, он прожил целую жизнь. Он не знал, кто и зачем привез его сюда, но, похоже, дела его были совсем плохи.

Кто-то резко дернул за ткань и стащил мешок с его головы. Глаза приговоренного встретились с глазами палача. Это были и не глаза будто, а две колючих проволоки, резавшие и царапавшие душу приговоренного к смерти.

- Как ты посмел? Кто позволил тебе расстреливать оркестр? В какой момент и кто счел себя богом? Я же просил вас только припугнуть их, помучить несколько дней и потом отпустить?! Какого черта?

- Мужик, не стреляй. Это Дорбач, он отдал приказ. Мы же делали все как надо. Пощади! У меня трое маленьких детей и больная жена.

- А ты никогда не думал, что у меня свои, особые планы были на этот оркестр? И в них не входило то, что они отмучаются так быстро? Ты лишил меня удовольствия посмотреть на их мучения, ты лишил меня моего плана! Ты не знаешь, каково это... ты не знаешь, как долго я готовился, чтобы воплотить в жизнь то, что задумал. Ты не знаешь тех чудовищных мук, что разрывают сердце в лохматые клочья. Они не должны были так легко отделаться. Их ждала куда более страшная участь. Они должны были мучиться долго, болезненно, сокрушительно мучиться, просить, молить меня о пощаде. И вот только тогда я бы и пристрелил их. Но не раньше! А ты все испортил. Моя песня так и осталась недопетой. Мой незавершенный эпи-

зод так и останется незавершенным, а ящик Пандоры, который я открыл, закроется. Загадка, которую я хотел загадать, навеки останется неразгаданной, а я навсегда буду связан со своей историей, со своими кошмарными снами, со своей дикой болью. Ты не дал мне избавиться от всего этого! Но я скажу, что ты тоже отделаешься легко. Мне нет пользы чваниться с тобой. И хотя я должен был бы облить тебя бензином и поджечь, как старое, трухлявое полено, ты всего лишь получишь пулю в лоб. И не думай, что у тех бедолаг, которых ты превратил в дырявое решето очередью из своего автомата, не было дома детей. Хотя, как мне кажется, ты вообще не в состоянии о чем либо думать. Для этого впадины в головном мозге должны иметь извилистую форму, а у тебя, похоже, там все гладко, как у бильярдного шара.

С этими словами палач достал пистолет с заботливо накрученным на него глушителем, навел прямо в лоб связанному мученику, и, прежде, чем тот успел сказать еще слово, выстрелил в упор.

Сегодняшний день был объявлен в Кастании национальным праздником. Жители этой небольшой страны высыпали на улицы, чтобы своими глазами посмотреть на самую красивую пару и лично поприветствовать их, помавав издали флажком.

Сегодня женился наследный принц Анхель, единственный сын короля Массимо Оливера.

Те, кто не мог приехать в столицу, следили за процессией на экранах больших мониторов, выставленных почти что на каждой улице.

Свадебный кортеж приближался. Жители неистово махали флажками, и радостно кричали, выражая свою любовь будущему монарху.

По всем телеканалам последние полгода только и трубили о помолвке наследника престола. Бульварная пресса, злорадствуя, сообщала, что королевская семья была против этого брака, ведь невеста была иноземка, француженка с неизвестными арабийскими корнями и странной фамилией.

И что король нехотя дал согласие на этот брак, и то, исключительно благодаря тому, что в жилах невесты, все же, текла королевская кровь. Хотя и очень немного, как уверяли газеты.

Отец будущей княгини, кажется, был пятым ребенком эмира, но был изгнан и отлучен от семьи и всего остального ввиду скандала, случившегося около тридцати лет назад.

Скандал был связан то ли с нефтяным вопросом, то ли с предполагаемой экспансией страны, то ли с какой-то любовной интрижкой. По какому-то странному обстоятельству дело это было довольно быстро замято.

Скандал, конечно же, был еще одной причиной недовольства Массимо Оливера, но, в конце концов, он сдался, при условии, что невеста откажется от своей фамилии в пользу фамилии де Оливера. Амира де Оливера. Газеты обсасывали это странное сочетание, как голодные собаки брошенную им кость.

История их знакомства была покрыта толстой вуалью мрака.

В каждой небольшой деревушке можно было услышать свою историю. Достаточно было зайти в близлежащую бакалейную лавку. Поговаривали, что парочка познакомилась во время официального визита короля в Египет. Что невеста была организатором акций протестов против корриды в Испании, Португалии, Мексике, ну и, конечно же, Кастилии.

И что когда королевский автомобиль ехал по улицам Каира, она бросила бутылку с какой-то горячей смесью прямо под колеса. А когда ее освободили из полиции, то привели в отель, где остановился король и его семья, для того, чтобы она могла с достоинством извиниться за свое не слишком пристойное поведение. И когда она это сделала, принц Анхель и влюбился в нее без памяти.

Другая история поведала, что принц Анхель спустился на дно Красного моря в Иордании, и увидел, как огромная рыбина угрожала бестолковой дайверше, попавшей в рыболовные сети и запутавшейся в них. Анхель, рискуя жизнью, перерезал сети и освободил незадачливую авантюристку. После чего уже и влюбился в нее без памяти.

Но все сплетни, слухи и прочие небылицы, окружавшие этот странный и немного таинственный брак, были в одночасье забыты, когда люди увидели новобрачных.

Черный китель наследного принца и воздушное белое платье будущей княгини притягивали к себе взгляды всех жителей страны. Но больше всего их притягивало то, как эти двое смотрели друг на друга.

Они, конечно, приветственно махали публике, но, казалось, что иногда они даже не смотрели на окружающих их людей. Эти влюбленные голубки практически не замечали никого вокруг, прожигая глазами друг друга.

Семейные жители страны подмигивали друг другу, мол, будущий король и его очаровательная белокурая невеста ждут не дождутся, когда весь этот официоз закончится, и они, наконец, смогут уединиться.

6

Сиддхартх выглядел сегодня немного встревоженным.

- Сегодня мы переезжаем в другой лагерь, - почти что про себя пробормотал он. - Пришло время основной подготовки.

На лице Елены не дернулся ни единый мускул. Долгие месяцы тренировок с лучшими психологами Патонга сделали свое дело. Теперь на нее можно было лить горячую лаву, и она бы выдала себя лишь глазами, да и то не всегда. Вряд ли ее можно было удивить тем, что пришло время летной подготовки.

Однако бедная девушка не могла тогда знать, что ее испытания далеко не закончились. Скорее, наоборот.

Они прибыли в другой лагерь, расположенный в неприступных горах Патонга. Здесь и был расположен военный аэропорт. Как же ей хотелось, наконец, покончить со всем этим. Ее обучение неприлично затягивалось. Еще, как минимум, год основной подготовки, а то и все два. Интересно, что по этому поводу думает Сиддхартх.

«Уж он-то хотел бы все перевернуть побыстрее», - подумала она, криво улыбаясь на один бок.

Однажды Сиддхартх опять повез ее куда-то. Голова Елены уже шла кругом от нечеловеческих нагрузок, но попробуй-ка скажи об этом майору!

Они приехали на вершину какого-то холма. Елена не могла не заметить, какой красоты пейзажи открывались вокруг. Вдалеке виднелись вершушки гор, покрытые сверкающим на солнце снегом. Царила почти сказочная тишина. Вдалеке гнездились незнакомые ей птицы удивительной красоты. Елена не могла не любоваться их грациозным полетом над скалами: широко раскрытые крылья замерли в бесконечном полете, парении, время будто остановилось, подчиняя материю пространства зоркому глазу этих гордых хозяев гор.

Из состояния этой дремы наяву ее вывел грубый окрик Сиддхартха.

- Бери винтовку, я тебе говорю! Настраивай прицел. Твоя задача уложить их всех, сегодня у нас в казарме будет званый ужин.

Елена посмотрела на него, как на изверга.

- Я не буду, - тихо сказала она.

- Это приказ, дорогая. И тебе уже давно следовало бы понять, что мои приказы - это не приглашение к диалогу. О, Всевышний, и как только нас угораздило с ней связаться! Как ты будешь в живых людей стрелять? Ты провалишь нам все дело, клянусь богом! Твоя физическая подготовка просто смешна. Но прав был Говинда. Никто из наших солдат не обладает таким умом, как ты. Никто. В других наших делах никто не может сделать и десятой доли того, чего сумела добиться ты. Как обидно порой бывает. Иначе и духу твоего бы здесь не было.

Лицо Елены побелело, как мел. Ее волевой подбородок сжался и стал похож на персиковую косточку, а серые глаза сжались в две узкие, злые щелки. Она так сильно закусилась нижней губой, что из нее тоненькой струйкой потекла кровь. Она установила винтовку и нажала на спуск.

Тем временем в Боснии и Герцеговине глаза в глаза другая жертва смотрела в глаза безжалостного, бездушного палача. Палача, не жалевшего ни больных, ни здоровых, ни семейных, ни одиноких. Он отрывисто прочел свою обвинительную речь. Через секунду раздался короткий выстрел.

- Ой! - вскрикнула она и даже присела от неожиданности.

- Что случилось, любовь моя?

- Что-то сегодня Эстебан разбушевался. Так сильно меня толкнул!

Анхель подошел и приобнял свою красавицу-жену. Положив руки ей на живот, он ощутил невероятный покой. Хотелось все бросить и просто стоять здесь, у окна.

- Может быть, вам остаться сегодня? А то вдруг наш красавец решит появиться на свет прямо посреди концерта?

- Ха-ха, вы все шутите! Я бы, на самом деле, с радостью осталась. Спину просто ломит от боли, да и ноги тоже не в лучшей форме, как видите. Но я не могу подвести вашего отца. Вы ведь не забыли, что сегодня – вручение премии? И вручает ее не кто иной, как ваш отец?

Забудешь тут - Анхель улыбнулся. - А может, нам выкинуть что-нибудь этакое? Может, после вручения мы им споем что-нибудь?

На щеках Амиры заиграли симпатичные ямочки.

- Вам мало, что вас и так злые языки прозвали «поющий король»? Матушка моя потешается надо мной, говорит, что свинья, простите, везде грязь найдет. Говорит, что я хотела стать гулящей трубадуршей, так не выгорело, и теперь я вышла замуж за принца, который поет. Хотя я лично просто без ума от ваших песен. И как вам удастся сочетать в себе столько талантов? Но за это я вас и люблю так, наверное. С вами не соскучишься, это точно.

Анхель ласково поцеловал жену. Такое счастье было - находиться рядом с ней. И скоро их станет трое. Он еще до конца не понимал, не осознавал в полной мере, каково это – быть отцом. Но от этой мысли что-то наполняло его невероятной гордостью и любовью.

Небольшой самолет приближался к военному аэродрому Патонга.

- Теперь, сама. Сажать самолет будешь сама.

Она с тревогой в глазах поглядела на Сиддхартха.

- Сэр, я не могу сажать самолет сама. Я не привыкла еще к этой полосе. Вы прекрасно знаете, что она слишком коротка. Вдруг мы врежемся в гору?

- Это приказ, Елена. Пора бы уже привыкнуть. Если я что-то говорю тебе, ты просто берешь и делаешь. А теперь бери штурвал, бестолочь ты этакая! Иначе мы и правда сейчас разобьемся!

Елена нервно схватила штурвал. По спине тек холодный, противный, липкий пот. Пот тек с висков по щекам. Казалось, она вся провоняла потом, как бомж с помойки.

Господи, уже сто метров! Хотелось просто закрыть глаза и представить, что этого ничего нет. Но тогда они точно разобьются. А что, если ей не хватит полосы? Что если...если...

Боковой ветер упрямо пытался придать небольшому суденышку извилистый вектор.

Елену почти что трясло. Лишь Сиддхартх, сидящий рядом, был спокоен как удав. Похоже, его вообще ничто не могло вывести из равновесия.

- Тяни штурвал от себя чуть посильнее.

Похоже, ему действительно не о чем было поговорить.

- Господи, ну кто-нибудь скажет этой бестолковой, чтобы интерцепторы выпустила? Как ты собираешься подъемную силу гасить? Ударом в вон ту гору, что спереди? Кошмар какой-то.

Вскоре самолет жестко плюхнулся на взлетно-посадочную полосу военного аэродрома, да еще и подпрыгнул потом несколько раз, как раненый кузнечик.

Сиддхартх закатил глаза.

Когда самолет ушел на рулежку и окончательно остановился, майор, смотря куда-то вдаль, заявил:

- Я добавлю тебе летных часов. Ты похожа на слона в посудной лавке. Никаких способностей. Никаких совершенно. Даже эту консервную банку и то еле посадила, чуть было крылом по полосе не чиркнула!

Повернувшись к Елене, он увидел, что она его совершенно не слушает. Она сидела, отвернувшись в сторону, ее рвало в какой-то пакет.

На следующий день Сиддхартх построил отряд на плацу. Убедившись, что все стоят, вытянувшись в струнку по стойке смирно, он пафосно произнес:

- Сегодня у вас будет особенный день. Сегодня вы имеете возможность доказать, что достойны великой чести, оказанной вам. Ваше первое задание будет несложным. В Гринбокском ущелье в ловушку попала группа туристов. Похоже, это начинающие альпинисты-камикадзе, которые, нарушив правила и не рассчитав сложности рельефа, провалились в развал. Ваша задача будет вытащить их оттуда, оказать первую помощь, кому это необходимо, посадить в вертолет и направить в столицу. Есть одно небольшое осложнение, правда. По нашим сведениям по единственной тропе в ущелье направляется повстанческий отряд дезертиров армии Патонга, примкнувших к отряду генерала Пратханга. Повстанцы пока не знают о попавших в засаду туристах, и по нашим расчетам придут в Гринбокское ущелье через три часа.

Высадка будет с воздуха. Вы должны уложиться в это время. Если они найдут туристов раньше, чем вы, то, скорее всего, попытаются взять их в заложники. Этого необходимо избегать всеми силами, поэтому вам важно разрулить ситуацию максимально мирно. Повстанцев трогать раньше времени нельзя. По сведениям нашей службы разведки, отряд Пратханга занимается планированием очередной операции по сбыту наркотиков, в отряде есть наш инсайдер, и наша задача - узнать как можно больше о планируемой акции. Елена сейчас проверит радиосигнал. В случае выхода ситуации из-под контроля и возникновения угрозы для жизни туристов или вашей, по приказу стрелять на поражение. Позывные нашего человека есть у Елены, она предупредит его. Вертолет не сможет приземлиться в непосредственной близости от ущелья, ему не хватит места. Поэтому вам нужно будет подняться вместе с туристами на холм Констанса. Все. Вопросы есть? Готовьте снаряжение. Не забудьте пару кошек для туристов. Идти будем в связке, один через один.

«Вроде бы, все и понятно», - подумала Елена.

Кроме, разве, того, что у нее еще не было ни единого практического занятия по прыжкам с парашютом. Все, что она об этом знала, было лишь голой теорией.

Вертолет набрал нужную высоту и направился в сторону Гринбокской гряды. Группа людей, одетых в белое, напряженно ждала часа икс.

От наметанного глаза Сиддхартха не укрылось, что Елена нервничала, хотя и старалась не подавать вида.

Это страшно раздражало его. Она вообще слишком раздражала его иногда. Несмотря на год психологической подготовки, она все еще не могла до конца контролировать свои эмоции. Это было очень плохо. В будущем она может выдать себя в самый неподходящий момент. Нужно увеличить нагрузку. Господи, ну где ей не придется ее увеличивать?

Давно бы выгнал ее, если бы не...

Тут поступил сигнал о высадке. Сиддхартх скомандовал группе на выход. Елена была последней. Она подошла к открытой двери вертолета, но в самый ответственный момент замерла и стояла, не двигаясь.

Майор взорвался.

- Ну и долго ты будешь стоять здесь, милая барышня? Это тебе что, приглашение на званый бал? Быстро пошла!

Елена не двигалась. Ноги не слушались ее. От страха лицо ее побелело как мел, костяшки пальцев вцепились в обивку.

Вне себя от ярости Сиддхартх подскочил к ней и сильным пинком в поясницу буквально вышвырнул ее за борт, направляя в полет, свободный от забот, страхов и обязательств.

К Гринбокскому ущелью приближалось несколько белых точек. Купола парашютов были покрыты специальным составом, и при повышении температуры светлели, сливаясь со снегом.

Туристов нашли быстро. Пять почти окоченевших мужских и женских фигурок сидели в развале ущелья, прижавшись друг к другу.

Вытащить их из развала удалось относительно быстро. Поднимаясь в связке наверх скалы, небольшая молчаливая группа держалась друг друга. Елена замыкала связку, позади нее шел лишь один турист. Ей не нравилась идея идти впереди, а не позади него, но этот турист был столь subtilen, что даже довольно небольшого веса девушка была крупнее его.

Вдруг Елена услышала какой-то шорох сзади, метрах в пятидесяти от себя. Шорох был практически не слышен. Но еще никому не удавалось провести ее слух. Она обернулась впол-оборота и краем глаза увидела какое-то быстрое, едва различимое мелькание за большим валуном.

Елена встревожилась не на шутку. Похоже, это разведчик повстанцев, и группа Пратханга уже очень близко. Она потянулась за рацией, нужно было быстро предупредить Сиддхартха. Однако не успела она дотянуться до нее, как раздался хлопок, и турист, завыв от боли, зажал бедро рукой.

Елена только и успела, что навалиться на туриста, закрыв его собой, как раздался еще один хлопок, и лазутчик повалился навзничь. Из простреленной головы на белый снег тонкой струйкой лилась кровь.

- Мы должны срочно уходить, - обрывисто сказал Сиддхартх, - Скоро здесь будут люди Пратханга и нам несдобровать. Положат всех, думаю.

Они попытались ускорить шаг. Однако в тот же самый миг стало понятно, что тщедушный турист нормально идти уже не сможет. Он волочил правую ногу, зажимая рану рукой. Это сильно осложняло ход группы. Турист постоянно дергал связку. Нога Елены подогнулась и чиркнула по льду.

Какое-то время группа продолжала идти вверх по обледеневшему склону, как вдруг что-то затрещало, и не успела Елена и «мама», сказать, как она и ее раненый подопечный рухнули в разлом. Елена успела зацепиться руками за край разлома, и, подтянувшись на руках, пыталась вылезти наружу, но турист, болтавшийся на веревке позади нее, каждый раз заставлял ее вновь и вновь срываться вниз.

Возня продолжалась какое-то время. Елена чувствовала, как руки начинают слабеть. Вот чиркнула нога другого туриста, шедшего спереди нее. Еще чуть-чуть, и вся группа провалится в разлом, где их прошьют автоматные очереди людей Пратханга.

По рации не своим голосом орал Сиддхартх:

- Режь! Режь веревку, твою мать! Из-за него мы все здесь останемся! Все погибнем! Давай же! Режь!

Елена колебалась. Она понимала, что перерезать веревку с раненым туристом - возможно, ее последний шанс остаться в живых. И не только ее. Если бы речь шла лишь о ней, она бы ни на секунду не задумалась, что ей сделать.

Но от нее сейчас зависела жизнь еще восьми человек. Она не могла так рисковать. Ей хотелось выть, выть волком до рези в легких. Почему? Ну почему это придется сделать именно ей?

Она достала из бокового кармана брюк перочинный нож. Нажав кнопку, быстро выбросила лезвие и занесла над веревкой. В этот момент ее глаза встретились с глазами раненого. Прошла лишь доля секунды, но для Елены она тянулась целую вечность.

Она словно бы провалилась в эти глаза, в эти два бездонных блюдца, безмолвно умолявших не убивать его, не бросать на произвол судьбы, на верную погибель. Раненый не произнес ни звука, но все было ясно и без слов.

Рука Елены замахнулась над веревкой. И в эту самую секунду в нос ей ударил резкий запах сырой земли. К горлу подступила отвратительная тошнота. Перед глазами поплыли фигуры. Атласная лента, сшитая из ее прошлого и разрезанная надвое горящими адскими ножницами, вновь замахала обожженными концами перед носом.

И в этот самый момент она поняла, что не оставит туриста в этой яме, чего бы это ей ни стоило. Она отбросила нож.

- Держитесь! Хватайтесь за веревку и подтягивайтесь. Тянитесь. Тааак... Хорошо! Возьмите меня за руку. Отлично. Когда я скажу, то резко и быстро хватайтесь за меня. Все поняли? Раненый кивнул. Из последних сил Елена дернула его за руку. Давай! И почти одновременно раненый ухватился за нее, а она, выпустив его руку, ухватилась за край разлома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.